

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ КАК ЧИТАТЕЛЬ ФРАНЦА КАФКИ

Вера Владимировна Сердечная

доктор филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

e-mail: rintra@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8718-3556

Аннотация. Статья посвящена проблеме творческой рецепции произведений Франца Кафки в произведениях современного отечественного писателя Дмитрия Данилова. Наряду с реминисценциями, отсылающими к миру Кафки и проявляющимися в сюжетных поворотах, стиле и атмосфере мира, создаваемого Даниловым в его романах (прежде всего «Саша, привет!»), бессюжетной прозе и пьесах, в его творчестве встречаются и отдельные прямые указания на творчество Франца Кафки. Так, в романе «Горизонтальное положение» (2010) есть отсылка к рассказу Кафки «Превращение», а верлибр Данилова «Превращение» (2015) являет собой переосмысление того же рассказа. В отличие от героя Кафки, в стихотворении Данилова Грегор Замза становится обычным жуком, практически тараканом, и теряет человеческий образ мышления, увлекаясь радостями нового вида жизни. С уходом неразрешимого конфликта между животной внешностью и человеческой сутью героя пропадает и трагедийность ситуации; Данилов предлагает опрошенный, в какой-то степени более жизнеподобный вариант сюжета, но сам сюжет теряет модернистский масштаб. Стихотворение современного автора становится размышлением о мелкой повседневной жизни – и о том, как эта жизнь дает простые радости. Образ «превращенного» человека мельчает, но при этом автор смотрит на него с симпатией и сочувствием. Картина мира у Кафки построена в большой степени по лекалам иудаистской вселенной, с совершенно непостижимым и грозным божеством; у Данилова же, при близких к кафкианскому стилю и мировидению, все же наличествует христианская надежда на возможное внимание Бога.

Ключевые слова: Дмитрий Данилов, Кафка, «Саша, привет», «Превращение», Грегор Замза, интертекст, творческая рецепция, кафкианский сюжет

Современный писатель Дмитрий Данилов, создатель прозы, верлибров и пьес, нередко сопоставляется с Францем Кафкой. В интервью Данилова можно встретить упоминания о значении для него творчества Кафки. Приведем цитаты:

– «Саша, привет!» сравнивают с «Приглашением на казнь» Набокова и с «Процессом» Кафки. Какой вам из этих двух романов и/или авторов ближе? И почему?

– «Процесс». Этот текст — как один убивающий наповал удар. А «Приглашение на казнь» больше похоже на серию красивых ударов. Первое сильнее [Сперанский].

Писатель также упоминал о Кафке как авторе, который стал доступен широкому отечественному читателю лишь в позднесоветское время:

«Наше поколение [Данилов — 1969 г. р.] выросло в условиях цензуры. Нынешние молодые люди не могут себе представить, что такое цензура настоящая. Вот мы говорим: Набоков, Кафка, Замятин, — как про общедоступное, но тогда это совершенно не печаталось. ... Мы выросли на том, что есть якобы лживое советское искусство, а вот есть андеграунд, он настоящий. Это все давно ушло, но мы все равно ушиблены» [Костина].

Близость Данилова и Кафки стали особенно активно подчеркивать начиная с 2021

г., когда был опубликован роман Данилова «Саша, привет!». В нем воссоздается узнаваемо кафкианская модель мира, когда можно трактовать «судьбу как организацию» [Беньямин: 67]. В недалеком будущем человек, осужденный за преступление (сравнительное не тяжкое, как кажется из нынешнего времени), живет в довольно комфортабельной тюрьме. Комфорт его нарушается, по большому счету, лишь тем, что ему уже назначена казнь, которая произойдет в неизвестный момент, т. е. в любую минуту – от пулемета по имени Саша:

«На красном участке белой полосы Серёжа скорчивается, горбится, делается ничтожным. Антон говорит: да ладно, не бойтесь, не стрельнёт. Саша не стрельнёт. Серёжа думает о Саше как о живом существе впервые. Серёжа мысленно умоляет, молит Сашу не стрелять. Серёжа, пошатываясь, проходит красный участок. Саша не стреляет. Серёжа ловит себя на дикой, страшной благодарности Саше.

Спасибо, Саша. Спасибо, спасибо огромное, Саша. Саша, спасибо большое.

И дальше начинается уже обычная, нормальная жизнь» [Данилов 2021: 44].

О «кафкианстве» этого произведения писал чуть ли не каждый рецензент. При этом литературные критики по-разному оценивают степень интертекстуального родства романа «Саша, привет!» с наследием Кафки.

Так, Михаил Визель пишет, что Данилов, вслед за Кафкой, отражает «сбой в матрице», документирует смещение мировой точки сборки, к 2021 г. ярко выраженное, в частности, в ситуации с пандемией COVID-19:

«... авторы ... обращаются ... к сбою в матрице, который зафиксировал и Кафка, который фиксируют современные авторы, в том числе Данилов. О чем она? Как это ни банально, о нашей жизни, о том странном двойственном положении, в котором мы все с вами оказались. Вроде как мы все в самоизоляции, но при этом продолжаем делать все наши дела» [«Саша, привет!»].

Евгения Лисицына также упоминает образ матрицы, утверждая, что кафкианским по своей природе у Данилова является художественный мир, а вот герой в его романе – сутоубо современный, даниловский:

«Если и есть в “Саша, привет!” Кафка, то кафкианское все вокруг, кроме логичного Сережи. Его словно вынули из скучного сеттинга современных соцсетей и нытья про нелюбимую работу и поместили в эту реальность, не спросив разрешения, а он теперь пытается докричаться до матричных ботов» [Лисицына].

Денис Епифанцев говорит о том, что обживание, смягчение красок мира, а также характерное для Данилова тяготение к сочувственному взгляду на детали повседневности

делают его роман «детским», упрощенным изводом кафкианского текста: «Это точно не кафкианская история. ... Это мог бы быть “Процесс”, но для самых маленьких: Кафка глазами детских писателей в стихах и картинках» [Епифанцев].

Ольга Балла также отмечает различие в творческой манере двух авторов:

«В качестве ближайших аналогов даниловского текста первым идёт на ум Кафка, – в основном из-за сочетания невозмутимо-ровной интонации и невместимости происходящего в человеческое восприятие. Но эта аналогия хромает: Кафка не психологичен, он работает с архетипами. Данилов – во-первых, тончайший психолог, во-вторых, показанная им реальность – наша, родимая точно фотографически, со всеми предметными, речевыми, антропологическими подробностями» [Ольга Балла].

Вышеперечисленные реплики, по сути, составляют историю вопроса сопоставления наследия Кафки и Данилова на примере романа «Саша, привет!». Эту сумму оценок примерно можно обобщить следующим образом. Отражая общие закономерности бытия как «сломанного», двоящегося, построенного по необъяснимым и грозным законам, писатели оценивают этот мир несколько по-разному: герой Данилова более психологичный, приземленный, повседневный, чем у Кафки, и трагизм бытия у Данилова приоб-

ретают другие масштабы: он уступает место то экзистенциальной тоске, а то и принятию реальности. Действительно, начиная со страха и тревоги, герой Данилова может приходиться к почти полному смирению:

«Сначала, в первые примерно полчаса, был ужас от перспективы сидения на одном месте в течение семи или шести часов. А сейчас ничего, ничего. Даже хорошо» [Данилов 2016: 22].

Если попробовать классифицировать влияние Кафки на различные формы полижанрового творчества Данилова, то можно сформулировать это следующим образом.

В романе «Саша, привет» (2021) очевиден кафкианский сюжет: человек, приговоренный к смерти (виноват он или не виноват – вопрос дискуссионный, но не дискутируемый), ждет ее в любой момент от неясным образом устроенного механизма.

В бессюжетной прозе Данилова («Горизонтальное положение», «Сидеть и смотреть», «Черный и зеленый» и др.) кафкианское начало проступает в отстраненном наблюдении над ежедневной реальностью и выявлении в этой реальности метафизической подоплеки.

В пьесах Данилова, особенно ранних («Человек из Подольска», «Сережа очень тупой»), наличествует узнаваемо кафкианский сюжетный конфликт: это столкновение маленького человека и некой системы, работающей по неясной и угрожающей логике.

Следует Данилов Кафке и в своих стихах, верлибрах; тут можно вспомнить целую традицию русского стихотворного осмысления наследия Кафки [Франц Кафка: 389–480], в том числе и в верлибрах Геннадия Айги, Марины Темкиной, Владимира Ермолаева.

В стихотворениях Данилова регистрируется жизненное течение в его прорывающей сквозь повседневность абсурдности; в них отчетливо ставится вопрос о посмертном бытии; как замечает критик, «Данилов стремится снизить и даже деконструировать пафос, свойственный встрече с трансцендентным в мировой литературе» [Нуждина]. Так, в стихотворении «Как умирают машинисты метро» описывается посмертная судьба машиниста, которая представляет собой дальнейшее путешествие на метро; в «Переключателе» говорится о вкладе человека в послебытие; в «Аргентине» и «Латинской Америке» – о том, что местом посмертного пребывания становится Южная Америка; в «Египетском патерике» – о симультанном нахождении духа вне времени; в «Сияющих лицах» – о природе посмертной метаморфозы личности. Стихотворение «Николай Степанович улетает» показывает загробный мир как бюрократически устроенное место, которое обретает название поселка Вагоностроитель:

А я тебе сразу скажу
Сказала полноватая женщина

У нас давно нет
 Директора Дома культуры
 Вот тебя-то мы
 На это место
 И назначим [Данилов 2023: 91].

Важным в стихах Данилова является и ключевой для мира Кафки вопрос экзистенциальной – или личной – вины человека [Беньямин; Турышева]; особенно громко эта тема звучит в стихотворении «Коммуникация», где по старому советскому телефонному автомату человек пытается поговорить с самим Богом, но тот давно недоступен:

А что мы сделали?
 Что мы сделали?!
 Алло! Алло! Не слышно!

Что мы сделали?
 Ничего не слышно!
 Алло! Алло!

Человек стоит
 С телефонной трубкой в руках
 В старой, ржавой, облезлой
 Советской телефонной будке
 На тусклой латунной табличке
 Написано
 Стоимость звонка
 2 коп.
 У человека нет
 Двух копеек

Копейки давно отменили
 В трубке хриплый гудок
 И вот уже в трубке тишина
 Нет гудка, даже хриплого
 И вот уже выясняется
 Что толстый металлический провод
 Соединяющий трубку с телефоном
 Оборван, и мертво висит
 Разговор не будет продолжен
 Поговорить не удастся [Данилов 2023: 86].

Есть у Данилова и чудесные превращения животных (также постоянный у Кафки мотив). Так, в стихотворении «Белка и Стрелка» собаки-первопроходцы превращаются в людей на время своего полета:

В общем, так получилось
 Что на время полета
 Белка и Стрелка
 Стали людьми
 Ну, вот так
 Бог так сделал
 Или космические конструкторы
 Тут можно выбрать
 Удобную для себя версию [Там же: 41].

Это превращение заканчивается с полетом, а в процессе полета собаки по-разному осмысливают ситуацию полета: одна с социальной и исторической точки зрения (немного напоминающая превращенного Грегора Замзу, озабоченного опозданием на поезд), другая – с бытийной:

И глупая Белка
 Говорила что-то
 О карьере и государственных наградах
 И даже пролепетала что-то
 О будущем Юрии Гагарине
 <...>
 А мудрая Стрелка
 Сидела и смотрела
 В иллюминатор
 И просто сказала
 Смотри, какая Земля
 Смотри, как красиво
 Больше не увидим этого [Там же: 43–44].

Есть у Данилова-поэта и тексты, указывающие на внимание к человеку грозных, но явно недружественных сил («Странные ангелы») и на бюрократическое устройство вселенной, где бог за что-то сердит на человека («Скука»):

Так и будем болтаться
 Пока Господь
 Не помилует нас
 Тупых дураков
 Не заслуживающих ничего
 Кроме смертной, смертельной скуки

А что будет, когда Он нас помилует
 Неизвестно
 И лучше об этом даже
 Не думать [Там же: 123].

Таким образом, опирающееся на ветхозаветную модель мира мироустройство, предлагаемое в произведениях Франца Кафки, является значительным прообразом художественного мира в произведениях Дмитрия Данилова. Однако кроме типологических сопоставлений, можно наблюдать и прямое цитирование, когда Данилов сознательно отсылает читателя к произведению Кафки. Приведем два выразительных примера.

В романе «Горизонтальное состояние» (2010) описывается год жизни журналиста с позиций бессубъектности и бессобытийности, главным образом через отглагольные существительные. Вспоминается выражение о том, что у героев Кафки, как у сновидцев, «нет собственного лица и имени» [Подорога: 77]; Делёз и Гваттари комментируют эту особенность кафкианских автора и героя несколько иначе: «Нет субъекта; *есть только коллективные сборки высказывания*» [Делёз, Гваттари: 22].

У Данилова герой не деятелен сам по себе – с ним происходят действия. Несмотря на то что в жизни героя что-то случается (он путешествует, общается, молится, работает), все эти случаи вероятностны и не являются событиями как таковыми, а жизнь человека циклически застроена повторяемыми действиями, приходя ежедневно к финалу – горизонтальному положению и сну:

«Заканчивание Сергеем чтения своих произведений. Так называемое неформальное общение, выпивание напитков, говорение слов и предложений разной степени связности.

Как много вокруг милых, хороших, прекрасных, восхитительных людей.

Осознание необходимости успеть на метро и на автобус.

Продвижение по Петровке, Страстному бульвару.

Метро, автобус.

Дома.

Отсутствие сил читать тексты на бумажных и электронных носителях, отсутствие сил играть в футбольный менеджер на сайте 11x11.ru, горизонтальное положение, сон» [Данилов 2022: 34].

Финалы дней могут разниться, однако 22 января кончается следующей фразой: «Беспокойный сон, как у Грегора Замзы перед превращением в страшное насекомое» [Там же: 25]. Так, одной цитатой, автор уравнивает бессобытийную жизнь героя с существованием несчастного, отказывающегося от своей природы, коммивояжера у Кафки. Эта цитата заставляет посмотреть на гиперреалистичный текст совсем иначе: из-под покрова повседневности выступает скелет метафизического присутствия.

Еще более значительное обращение Данилова к наследию Кафки происходит в стихотворении «Превращение» (2015), где, по выражению критика, автор «делает его [сюжет] менее “возвышенным” и показывает, что при

столкновении с действительно сверхъестественной ситуацией реакции человека обнуляются до “заводских настроек”, до набора рефлексов» [Нуждина].

Начало стихотворения практически повторяет начало новеллы Кафки:

Проснувшись однажды утром

После беспокойного сна

Грегор Замза обнаружил

Что он у себя в постели

Превратился в насекомое [Данилов 2023: 17].

Однако дальше история развивается иначе. Насекомое у Данилова – не «страшное», а вполне обычное; трагизм расчеловечения замещается простым переходом в животное состояние.

Но не в «страшное»

Как в знаменитом рассказе Ф. Кафки

А в обычное такое, маленькое

Насекомое

Не в огромное, как у Ф. Кафки

Занимающее всю кровать

А в крошечное, типа таракана

Посреди огромной кровати

Бывает, таракан заползет в кровать

Так и тут, так и тут

Но это, конечно, не таракан

Другое насекомое

Похожее на таракана

Назовем его – насекомое грегорзамза

Мало чем отличимое от таракана
Вообще ничем [Там же].

Вначале сюжет кафкианского рассказа почти пересказывается, в частности, в переживаниях героя о том, что он может опоздать на поезд:

Насекомое грегорзамза
Поначалу обеспокоилось
Как же так, надо же ехать
В командировку
Поезд отправляется в пять утра
А уже без четверти семь
Как же это так
Не услышал будильника
Как ужасна профессия коммивояжера
Что же делать [Там же].

Однако, в отличие от безымянного насекомого-паразита у Кафки, герой Данилова довольно быстро принимает свою новую «насекомую» идентичность и находит радость в этом новом состоянии:»

Но грегорзамза очень быстро осознал себя
Маленьким насекомым
Мысли о превратностях коммивояжества
Быстро покинули его хитинную голову
Родственные чувства
Растаяли в утреннем тумане
Грегорзамза быстренько добежал
До угла кровати

Резво спустился по ножке кровати на пол
И начал обследовать новую реальность [Там же: 17–18].

И если у Кафки главный парадокс и источник трагизма ситуации – это человеческое сознание в нечеловеческом теле, то Данилов предлагает «грегорузамзе» наслаждение новым способом существования – низменным с точки зрения человека, но радостным с новой точки зрения:

Грегорзамза оббежал комнату по периметру
Нашел хлебную крошку, съел
Странный такой способ поедания
Странный вкус
Так приятно, так хорошо
Новые ощущения
Еще одну крошку нашел
Как же приятно это насыщение
В общем, можно ведь жить
Да, жить можно <...>
Обнаружил труп мухи
О эти новые, невыразимые
Вкусовые ощущения [Там же, 18–19].

Данилов подчеркивает бестревожность новой жизни героя и его внутреннее пере рождение; новая жизнь кажется ему значительно более содержательной:

У грегоразамзы все хорошо
Только иногда всплывают

В насекомом сознании
 Слова «образцы сукна»
 Или «поезд в три пятнадцать»
 Но это так, мелочи
 Следы бывшей, бессодержательной жизни
 В которой не было крошек
 Не было трупиков мух
 И новых вкусовых ощущений [Там же: 19].

Если у Кафки семья коммивояжера не принимает огромное насекомое и проявляет к нему открытую жестокость, то у Данилова семья расстраивается, последствия пропажи сына их серьезно травмируют:

Искать уже перестали
 Отец целыми днями
 Читает газету и пьет
 С утра пиво, а ближе к вечеру
 Что-нибудь крепкое
 Мать тихо сошла с ума
 Ходит, улыбается <...>
 Сестра посерела, постарела
 Даже как-то сморщилась
 Хотя в ее возрасте
 Не положено вроде бы сморщиваться
 Сидит все время с книгой <...>
 Нет у них загородной поездки
 На трамвае
 И дочь не поднялась в конце поездки
 И не выпрямила свое молодое тело
 Оно у нее теперь не молодое
 Нет у нее теперь тела

И с душой тоже проблемы
 Лицо сморщилось
 И слезные протоки окончательно пересохла
 [Там же: 19–20].

Смерть героя, совершенно потерявшего человеческую природу, происходит также от родных, но совершенно случайно:

Все заканчивается тем
 Что сестра заходит в комнату Грегора Замзы
 <...>
 И случайно наступает
 На грегора замзу
 Который как раз нацелился
 На очередную хлебную крошку
 Или на очередной трупик мухи
 Раздается неприятный хруст
 Сестра отдергивает ногу
 Совершает трусские движения
 Подошвой об пол
 На полу остается след
 От грегора замзы
 Жидко-хитинный след
 В этом месте есть соблазн написать
 Что сестра якобы «что-то почувствовала»
 Но нет, она ничего не почувствовала
 Кроме брезгливости и досады
 Надо будет сказать служанке
 Пусть уберет [Там же: 20].

Итак, Данилов предлагает принципиально новый поворот истории. В «Превраще-

нии» Кафки, как писателя-модерниста, описывается глобальная катастрофа расчеловечения (внешнего или внутреннего) и подтекстом звучит мотив поиска причины этой катастрофы: «Стать животным или нести его роль – это нести на себе всю тяжесть вины и само наказание» [Подорога: 73]. У Данилова же конфликт мельчает – вместе с уменьшением размеров насекомого; грегорзамза принимает себя как насекомое и счастлив; эта бесконфликтность в своей веселой пустоте, насыщенной крошками и трупиками мух, с одной стороны, делает героя счастливым, а с другой – может прочитываться чуть ли не безысходнее кафкианского сюжета.

Таким образом, не только в «Саше, привет!», но и в других произведениях Данилова наследование кафкианской традиции довольно очевидно. У классика австрийской литературы и русского современного писателя, несомненно, наличествует заметная общность настроения и схожие законы построения мира. Кафка «просвечивает» сквозь Данилова в сочетании точности бытовых подробностей и метафизичности природы реальности; в склонности к «отражению реальности в параболическом зеркале» без очевидной морали [Там же: 22]; в прозрачности стиля, «бедности языкового выражения» [Там же: 57]; в неспешности ритма повествования. Кроме того, Данилов, вслед за Кафкой, серьезно занимается вопросом экзистенциальной и личной вины человека.

Однако можно наметить и некоторые направления преобразования кафкианского начала в творчестве Дмитрия Данилова. Если Кафка выражает несовершенство жизни и доходит до проблемы изначальной вины человека в основном через бюрократически-чудесное, то Данилов преимущественно – через регистрацию неизбывной мелкой подробной ежедневности. Кафка – наблюдатель снов, похожих на реальность; Данилов – наблюдатель реальности, похожей на сон: «Таковы досадные свойства так называемой реальности» [Данилов 2016: 38].

Вместе с тем, если Кафка оставляет читателя в пространстве безнадежности (поскользну «не верил даже в теоретическую возможность счастья и гармонии» [Затонский: 4]), то Данилов иногда все-таки дает надежду на существование пространства всеобщего счастья и даже божественного прощения.

Его герои могут обращаться к Богу: «Попробуй наладить нормальную молитвенную практику. Трудно сказать, насколько они успешны» [Данилов 2022: 209]. Стихотворение, посвященное умершему отцу-испанцу, автор завершает молитвой:

За католиков молиться нельзя
Церковно молиться нельзя
Нельзя, например, подавать записки
И прочее в том же духе
Но келейно можно
И нужно

Поэтому следует произнести
 Упокой, Господи,
 Душу усопшего рада Твоего
 Дария
 Прости ему все согрешения его
 Вольная и невольная
 И даруй ему Царствие Небесное [Данилов 2014:
 12–13].

А яркая картина нереальности времени (а значит, и симультанного существования всего и вся в некоем едином, вечном, высшем пространстве) представлена в стихотворении «Египетский патерик»:

Вот это, о чем ты говоришь
 Раменское какое-то
 Мурманская область
 Мадрид, Париж
 Это что вообще
 Не знаю таких городов
 Мест таких
 Нету этого всего
 Есть Рим, Александрия
 Иерусалим
 А этого всего нет
 И авва Эдуард спросил:
 Но ты ведь помнишь?

И авва Альберт сказал:
 Да, помню

Авва Эдуард сказал:

Ну вот, это все
 Что я могу тебе сказать
 О смерти
 Она есть
 Мы все умрем
 И ты тоже умрешь
 Но есть ведь Раменское, Мурманская область

Париж, Мадрид
 Поселок Белоозерский
 А если не есть, то будут
 Какая разница [Данилов 2023: 54–55].

Таким образом, безвыходное мироописание Кафки, укорененное в иудаистской картине мира, у Данилова, с одной стороны, наследуется, но с другой – совершенно очевидно окрашивается христианским мотивом возможного – вероятного – спасения.

Литература

Беньямин, В. Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 2000.

Данилов, Д.А. И мы разъезжаемся по домам. New York: Ailuros Publishing, 2014.

Данилов, Д.А. Сидеть и смотреть: Серия наблюдений. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Данилов, Д.А. Саша, привет! М.: АСТ, 2021.

Данилов, Д.А. «Горизонтальное положение» и другая крупная проза. Том 1. Горизонтальное положение. Черный и зеленый. М.: Городец, 2022.

Данилов, Д.А. Как умирают машинисты метро. М.: Городец, 2023.

Делез, Ж., Гваттари, Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.

Епифанцев, Д. «Саша, привет!» Дмитрия Данилова: ПРОТИВ [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-protiv/> (дата обращения: 25.09.24).

Затонский, Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1972.

Костина, Е. Дмитрий Данилов: «Окружающий мир гораздо интереснее, чем извивы моей психики» [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/06/24/dmitrij-danilov-my-poslednee-pokolenie-kotoroe-interesuetsia-mirom-bolshe-chem-soboj> (дата обращения: 25.09.24).

Лисицына, Е. «Саша, привет!» Дмитрия Данилова: ЗА [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-za/> (дата обращения: 25.09.24).

Нуждина, А. Поиск счастья в пустоте (Дмитрий Данилов. Как умирают машинисты метро. Стихотворения 2015–2022 годов) // Новый мир. 2023. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/10-2023/poisk-schastya-v-pustote/> (дата обращения: 25.09.24).

Ольга Балла о романе «Саша, привет!» Дмитрия Данилова [Электронный ресурс].

URL: <https://newhorizonsf.ru/2022/12/09/review2208/> (дата обращения: 25.09.24).

Подорога, В.А. Парабола. Франц Кафка и конструкция сновидения. М.: Культурная революция, 2020.

«Саша, привет!»: у Дмитрия Данилова вышел новый роман [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/money/48073608-sasha-privet-u-dmitriya-danilova-vyshel-novyy-roman/> (дата обращения: 25.09.24).

Сперанский, К. Писатель Дмитрий Данилов: «Мы перестаем что-либо понимать, и мне это нравится» // Kinopoisk.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4007147/> (дата обращения: 25.09.24).

Турышева, О.Н. Вина как предмет художественной мысли: Ф.М. Достоевский, Ф. Кафка, Л. Фон Триер. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Франц Кафка в русской культуре. М.: Центр книги Рудомино, 2012.

References

Benjamin, W. (2000). *Frants Kafka* [Franz Kafka]. Moscow: Ad Marginem.

Danilov, D.A. (2014). *I my raz"ezzhaem sya po domam* [And we are going home]. New York: Ailuros Publishing.

Danilov, D.A. (2016). *Sidet' i smotret'*: *Seriya nablyudeniy* [To sit and watch: a series of observations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Danilov, D.A. (2021). *Sasha, privet!* [Sasha, hello!] Moscow: AST, 2021.

Danilov, D.A. (2022). “*Gorizontaľnoe polozenie*” i drugaya krupnaya proza. Tom 1. *Gorizontaľnoe polozenie. Chernyy i zelenyy* [“Horizontal Position” and other major prose. Vol. 1. Horizontal position. Black and green]. Moscow: Gorodets.

Danilov, D.A. (2023). *Kak umirayut mashinisty metro* [How metro drivers die]. Moscow: Gorodets.

Deleuze, J., & Guattari, F. (2016). *Kafka: za maluyu literature* [Kafka: Toward a minor literature]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.

Epifantsev, D. (2022). “Sasha, privet!” Dmitriya Danilova: protiv [Sasha, hello! by Dmitry Danilov: negatively]. *Gorky.media*. Retrieved from: <https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-protiv/> (date of access: 25.09.2024).

Frants Kafka v russkoy kul'ture [Franz Kafka in Russian culture] (2012). Moscow: Rudomino.

Kostina, E. (2022). Dmitriy Danilov: “Okruzhayushchiy mir gorazdo interesnee, chem izvivy moyey psikhiki” [Dmitry Danilov: “The world around us is much more interesting than the twists and turns of my mind”]. *Godliterary.ru*. Retrieved from: <https://godliterary.ru/articles/2022/06/24/dmitrij-danilov-my-poslednee-pokolenie-kotoroe-interesuetsia-mirom-bolshe-chem-soboj> (date of access: 25.09.2024).

Lisitsyna, E. (2022). “Sasha, privet!” Dmitriya Danilova: za [Sasha, hello! by Dmitry Danilov: positively]. *Gorky.media*. Retrieved from: <https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-za/> (date of access: 25.09.2024).

Nuzhdina, A. (2023). Poisk schast'ya v pustote (Dmitriy Danilov. Kak umirayut mashinisty metro. Stikhotvoreniya 2015–2022 godov) [Search for happiness in emptiness (Dmitry Danilov. *How metro drivers die*. Poems from 2015 to 2022)]. *Novyy mir* [New World], 10. Retrieved from: <https://nm1925.ru/articles/2023/10-2023/poisk-schastya-v-pustote/> (date of access: 25.09.2024).

Olga Balla o romane “Sasha, privet!” Dmitriya Danilova [Olga Balla on the novel *Sasha, hello!* by Dmitry Danilov] (2022). *Newhorizonsf.ru*. Retrieved from: <https://newhorizonsf.ru/2022/12/09/review2208/> (date of access: 25.09.2024).

Podoroga, V.A. (2020). *Parabola. Frants Kafka i konstruktsiya snovideniya* [Parabola. Franz Kafka and the construction of a dream]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

“Sasha, privet!”: u Dmitriya Danilova vyshel novyy roman [Sasha, hello!: Dmitry Danilov let out a new novel] (2022). *Rambler.ru*. Retrieved from: <https://finance.rambler.ru/money/48073608-sasha-privet-u-dmitriya-danilova-vyshel-novyy-roman/> (date of access: 25.09.2024).

Speranskiy, K. (2022) Pisatel' Dmitriy Danilov: “My perestaem chto-libo ponimat', i

mne eto нравitsya” [Writer Dmitry Danilov: “We stop understanding anything, and I like it”]. *Kinopoisk.ru*. Retrieved from: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4007147/> (date of access: 25.09.2024).

Turyшева, O.N. (2017). *Vina kak predmet khudozhestvennoy mysli: F.M. Dostoevskiy, F.*

Kafka, L. Fon Trier [Guilt as a subject of artistic thought: F.M. Dostoevsky, F. Kafka, L. Von Trier]. Ekaterinburg: Ural university Press.

Zatonskiy, D.V. (1972). *Frants Kafka i problemy modernizma* [Franz Kafka and the Problems of Modernism]. Moscow: Vysshaya shkola.

Для цитирования: Сердечная, В.В. Дмитрий Данилов как читатель Франца Кафки // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 4. С. 244-258. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-4-244-258

For citation: Serdechnaia, V.V. (2024). Dmitry Danilov as a reader of Franz Kafka. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, (9) 4, 244–258. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-4-244-258

DMITRY DANILOV AS A READER OF FRANZ KAFKA

Vera V. Serdechnaia, Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia); e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of creative reception of Franz Kafka's oeuvre in the prose and verse of contemporary Russian writer Dmitry Danilov. The reminiscences of Kafka's world are manifested in Danilov's plot twists, style and atmosphere of his novels (primarily 'Sasha, privet!' [Sasha, hello!], 2022), in his plotless prose, his plays. Moreover, Danilov's works also contain direct references to Kafka's prose. Thus, in the novel 'Gorizonta'noe polozenie' [Horizontal position] (2010) there is a reference to Kafka's story "Die Verwandlung" ["The Metamorphosis"], and Danilov's free verse "Prevrashchenie" ["The Metamorphosis"] (2015) is a rethinking of the same story. Unlike Kafka's character, Danilov's Gregor Samsa in a verse becomes an ordinary beetle, practically a cockroach, and loses his human way of thinking, carried away by the joys of a new kind of life, with pure joys of an insect. With the disappearance of the insoluble conflict between the nonhuman appearance and the human essence of the hero, the tragedy of the situation also disappears; Danilov offers a simplified, more life-like version of the plot, but the plot itself loses its modernist scale. Danilov's poem becomes a reflection on the petty everyday life, and how this life gives simple joys. The image of a "transformed" person becomes petty, but at the same time the author looks at him with sympathy and compassion. Kafka's picture of the world is built to a large extent on the patterns of the Judaic universe, with a completely incomprehensible and formidable deity; Danilov, however, with a recognizably Kafkaesque style and worldview, still gives Christian hope for the possible attention of God and for some kind of salvation.

Key words: Dmitry Danilov, Kafka, "Sasha, hello!", "The Metamorphosis", Gregor Samsa, intertext, creative reception, Kafkaesque

